

40. ДВА КАМИКАДЗЕ

Современники не поняли, за что в 2000-ом январе суд назначил четыре года строгого режима с конфискацией имущества бывшему министру сельского хозяйства, бывшему первому секретарю Могилевского обкома партии Василию Леонову. А понять сие — надо.

Большого начальника арестовали в рабочем кабинете осенью 1997 года. Телекамера показала народу, как из министерского сейфа извлекают "воровскую" валюту, как на "коррупционера" надевают наручники. Обвинения прозвучали тотчас из уст президента, у которого убили друга, контролера, тоже борца с коррупцией. С горя он вменил Леонову организацию убийства в паре с дважды Героем Соцтруда председателем акционерного общества "Рассвет" Василием Старовойтовым.

За два года рота сыщиков не смогла доказать, что министр лоббировал Старовойтову выгодные кредиты, что оказывал протекцию иностранной фирме и получал от нее взятки, что похитил у государства миллионы долларов, что убивал президентского друга.

Суд установил, что Леонов бесплатно взял у Старовойтова: 708 килограммов свинины, 120 — говядины, 311 — колбасы разных видов. Кроме того, в больших объемах брал рыбу свежую, помидоры, огурцы. Это подтвердили свидетели и документы. Были обнаружены записочки председателя: отпустить столько-то. Записочки сохранили работники хозяйства, которым они спускались.

Защита выдвигала свои аргументы. Во-первых, Леонов и его семья (общее количество четыре человека) не могли съесть так много мяса и овощей. К тому же они трудолюбивые с детства, у них теплица на даче, где все растет и родит. Во-вторых, немислимо, чтобы Старовойтов оставлял документальные следы взяток. Аргументы являлись умозрительными предположениями, суд их проигнорировал. Отныне считается доказанным, что белорусская коррупция ест много мяса с овощами, а насытившись, отдыхает в спальне из карельской березы. Крадет ли миллионы, осталось невыясненным.

Суд решил, что Леонов не заплатил за мебель, заказанную в "Рассвете". Министр молился, что платил. Председатель признался, что мебель подарил бесплатно. Защита уверяла, что Старовойтову нельзя доверять, так как у него обнаружены психические расстройства. Возвышая одного, унижали второго.

Независимая пресса, иностранные послы, любящие жены, родные дети видят в уголовных делах Старовойтова и Леонова общую на двоих

политическую подкладку. Действительно, через край выплескивается политика, если понимать под оной лукавство, неискренность, игру с обеих сторон. Сплошь тьма! Что произошло на вертикали Леонов-Старовойтов — не видать.

Осмелюсь прояснить суть дела. Как обычно, вооружаюсь тем, что неопровержимо, — документами и личным опытом.

Однажды Старовойтов вручил мне подарок — потрепанную, предельно толстую, тяжеленную папку с бумагами: "Спас от уничтожения. Долго хранил. Почитайте."

"Исходящие, входящие и справки за 1966 год" — так озаглавлена папка. В ней подшита служебная переписка предшественника Старовойтова на посту председателя колхоза "Рассвет" Орловского. В 1966 году он был в зените славы. Весь 1967-ой тяжело болел, зимой 1968-го умер. Читаю письма от Орловского:

"Белпродпроект. Тов. Терникову В.К.

Правление колхоза "Рассвет" докладывает Вам, что общее собрание колхозников решило строить крахмальный завод своими силами, своими средствами по проекту инженера Пинчука.

Ставить такой вопрос на повестку дня нас вынудило то, что Вы не в состоянии сделать нам проект до июня 1966 года. Значит, в этом году мы не сможем переработать картофель на крахмал, что нашему колхозу не выгодно. Правление колхоза просит Вас и всю Вашу организацию не делать нам проекта."

"Секретарю ЦК КПБ тов. Сурганову Ф.А.

Правление колхоза "Рассвет" докладывает Вам, что на первый квартал 1966 года нашему колхозу запланировано только 60 тонн аммиачной селитры, в то же время когда рядом с нами колхоз "Коммунист" имеет в три раза меньше сельхозугодий, а ему тоже запланировано 60 тонн селитры.

Мы просим Вас, Федор Анисимович, отменить такое распределение и по возможности добавить нашему колхозу в первом квартале 60 тонн аммиачной селитры."

"Союзсельхозтехника. Тов. Башкирцеву.

Правление колхоза "Рассвет" просит Вас оказать содействие — продать один автомолоковоз на шасси ЗИЛ-130 во втором квартале 1966 года, так как

дал бог теля, да не дал хлеба. Большое молоко, примерно 50 тысяч литров в день, мы вынуждены перевозить в молочных флягах. Обращаемся к Вам уже третий раз.”

”Председателю Белсельхозтехники тов. Хитруну.

Вторично обращаемся к вам, Леонид Иванович, с просьбой продать 10 шлангов к экскаваторам. Одновременно докладываем Вам, что за последние два года (1964-1965) по этому вопросу мы 3 раза обращались к Вам, 5 раз обращались в Могилевскую Облсельхозтехнику к тов. Перельману, каждую неделю мы обращались в Кировскую Райсельхозтехнику к тов. Мищенко, но наши просьбы остаются неудовлетворенными, и наши 5 экскаваторов не работают.”

”Первому секретарю ЦК КПБ тов. Машерову П.М.

За последние 3 месяца я три раза писал секретарю ЦК КПБ тов. Сурганову по одному и тому же вопросу — о неправильном распределении минеральных удобрений между колхозами и совхозами, но ни на одно из трех моих писем я ответа не получил.

Секретарь Кировского РК КПБ тов. Нестерова Е.П. распорядилась продавать аммиачную селитру не по сельхозугодиям, а по принципу позорной уравниловки. Поэтому правление колхоза “Рассвет” отказалось получать выделенные тов. Нестеровой Е.П. 1,2 килограмма аммиачной селитры на каждый гектар, при этом заявив: “Если рассветовская земля не наелась, этим одним килограммом она не налижется.”

”Начальнику Гушосдора тов. Григорьеву И.И.

Дорогой Иван Иосифович! При всем уважении к Вам я должен сказать Вам, что Вы в этом году не закончите строительство новой дороги с твердым покрытием на территории нашего колхоза. Прошел золотой сезон для строительства — это май-июнь. Июль кончается. За последние два месяца на дороге абсолютно ничего не сделано вашими организациями. Колхоз вынужден делать дорогу своей техникой и своей рабочей силой, хотя, как Вам известно, мы должны выращивать хлеб.”

”Москва, Кремль.

Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л.И.

Дорогой Леонид Ильич! Зная Вашу огромную занятость работой, прошу извинить меня в том, что Вам пишу это письмо. Разрешите доложить, что труженики колхоза “Рассвет” горячо одобряют решения Пленума ЦК КПСС. Мы сеем 1120 гектаров картофеля и получаем по 225 центнеров с гектара. Ощущаем большие затруднения во время уборки картофеля потому, что

картофелеуборочные комбайны — их у нас 17 штук — не имеют запасных частей, и мы нигде не можем их достать. Нам крайне необходимы запчасти к комбайнам марки КПП-2 и ОК-3 нижеследующие:

1. Подшипники № 121 — 70 штук.
2. Эксцентрики — 70 штук.
3. Транспортер передний — 17 штук.
4. Звездочка комкодавителя — 70 штук.

Если бы у нас были запасные части к картофелеуборочным комбайнам, то мы бы ежегодно сеяли картофеля не 1120 гектаров, а на 500 больше, еще лучше выполняли бы решения нашей партии по увеличению продуктов сельского хозяйства. К.Орловский, председатель колхоза "Рассвет", депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда."

"Телеграмма. Могилев, Облсельхозтехника, Перельману.

Режет меня подготовка зиме животноводства очень прошу срочно отпустить колхозу Рассвет стройматериалы согласно нашей заявки Орловский."

Читаю ответы начальников Орловскому. Он был озабочен одним — дать стране продовольствие. Они парировали: "не имеем возможности помочь", "вынуждены отказать", "запчастей нет в наличии"...

Сотни писем из разноэтажных контор родила безликая ВСЕДЕРЖАВНАЯ ТЬМА. Она ничего не давала Орловскому без боя. Она мстила ему за звезды, за вольный характер, за веру в справедливое распределение. ТЬМА ГАСИЛА РАССВЕТ. Знаменитый председатель бесполезно "качал права". В отчаянии он нацеплял на пиджак звезды и ордена, открывал ногой бюрократические двери — и вырывал что надо.

Почему же так живуч миф о том, как к Орловскому текло рекой, как "Рассвет" создавала вся страна, как туда все давали, оголяя другие колхозы? Не сама ли тьма запустила в оборот темную ложь, чтобы отомстить Орловскому за прямоту, за несговорчивость, за недогадливость? Чтобы купить за колхозные деньги удобрения, звездочки, эксцентрики, асфальт, стройматериалы, надо было всего лишь умаслить вышестоящего начальника. Подколбасить и напоить.

Орловский всю жизнь строил социализм, но так и не понял, что построенный им плановый социализм ПЛАНИРУЕТ ВЗЯТКИ. Если бы он это

понял и принял как производственную необходимость, колхоз "Рассвет" дал бы стране еще больше продовольствия.

Орловский же начал создавать в колхозе подсобные отрасли, чтобы ни от кого не зависеть. Старовойтов принял как судьбу и РАССВЕТ, и его ненавистницу ТЬМУ. За 29 пост-Орловских лет он довел колхозную свободу до чудес и до абсурда. Колхоз превратился в натуральное хозяйство, которое обеспечивало себя всем необходимым, начиная от железобетона, кончая лекарствами. Это позволило колхозу многократно увеличить производство продуктов питания, но в то же время поставило колхоз в еще большую зависимость от планово-распределительной системы. От тьмы.

Работая над книгами о "Рассвете" (изданы в 1986-ом и 1988-ом), я подолгу жил там. Свидетельствую: каждый день в хозяйстве находились командированные — большие и маленькие начальники, контролеры, ревизоры. Со всеми председатель должен был отобедать или отужинать.

"Водку покупаю за свои, закуска колхозная", — говорил мне Старовойтов, проводив командированных. И был невеселый. Можно догадаться, почему. Он признался на суде, что гости увозили из колхоза продукты. Возможно, он переживал, что только что написал в мясной цех записочку. Ему было противно исполнять ПЛАН ВЗЯТКИ. А не исполнить не мог, ибо понял то, чего не понимал Орловский. Почему же Старовойтов ни разу не предложил колбасы или хотя бы яблок мне? Потому что я ни разу не попросил. Значит, те — просили, намекали.

Из исповеди директора завода: "Угадай, Анатолий, сколько штофов "Зубровки" я завез московским начальникам? Тысячу! Если б не завез, ничего не дали бы. А я не дурной камикадзе, разбомбить своей принципиальностью родной завод не хочу." Верю ему, так как знаком с московским менталитетом.

В редакции союзной газеты, где я служил собкором, давали банкет. Ко мне подошел выпивший босс с восточными корнями: "Вы, Козлович, — европеец! Ничего не везете из своей Белоруссии." Он попенял, что не везу даров, как мои коллеги: из закавказских республик тащили в Москву бочонки с коньяком, из среднеазиатских — или ковры, или корзины фруктов, или экзотику в виде освежеванного барашка. А я-то думал, почему меня часто, в отличие от коллег, вызывают "на ковер" с отчетом о проделанной работе.

С обретением Беларуси независимости МОСКОВСКАЯ ТЬМА все права уступила ТЬМЕ МИНСКОЙ. Чем она ближе, тем темнее в государстве. Тем привычнее на служебных вертикалях взятки и подношения. Когда у министра, замминистра, начальника управления день рождения, в столицу со всех концов страны мчат машины с подарками. Когда день рождения у

начальника всех начальников, цветочные магазины Минска в экстазе. Министерства заказывают букеты-композиции бешеной стоимости, проводят в коллективах конкурс женской красоты, победительнице поручают отнести цветы имениннику, и в самый темный подъезд государства покорно тянется вереница пахучих дам...

Как только заговорили о рынке и переходе от социализма к капитализму, Старовойтов реформировал колхоз в акционерное общество. Де-юре оформил независимость от системы распределения и взяток. Он не сомневался, что АО ждет успех. Летом 1997-го я был в "Рассвете", Старовойтов говорил мне: "Теперь мракобесы не заставят отдавать молоко за бесценок! Полноправный хозяин — акционер. Не имеют права вмешиваться." Он все-таки был наивен, как Орловский.

ТЬМА НЕДОПУСТИЛА РАССВЕТА. Осенью 1997-го Старовойтова арестовали. Тьма знала, под каким предлогом можно поглотить и Старовойтова, и Леонова. Дело их общее, темное — мелкая взятка, каковая взяткой не считается. Их различие в том, что первый — подчиненный, второй — большой начальник. Не лукавьте, что-де второй не съел столько колбасы.

У большого начальника неизменно вырабатывается большой аппетит. Мелкая взятка вырастает в большую взятку, которая порождает в нашей державе грандиозные проблемы и вытекающие из них маленькие успехи. Так и движемся во тьме, где на каждом шагу подстерегает тьма. Мы, как сказал директор завода, — камикадзе, запущенные мракобесами в последний полет. Орловский и Старовойтов — камикадзе выдающиеся.

Летчик-камикадзе, снаряженный в бой, — смертельный враг и для чужих, и для своих. Он не может вернуться на базу, чтобы пополнить боезапас. Для возврата ему недолили горючего. Посмеет вернуться с полпути, свои собьют. Но это камикадзе-посредственность. Выдающиеся камикадзе не только летят, но и думают, как лучше выполнить боевое задание. В полете они изыскивают внутренние резервы, вплоть до горючего. Орловский и Старовойтов летели в одном самолете, сменив друг друга у штурвала. Самолет был общий, а судьбы вышли разные. Первому тьма присудила славу, второму — позор. Почему?

Письмо Орловскому от 25 марта 1964 года (ради экономии места цитирую с сокращениями):

"Дорогой Кирилл Прокофьевич!

Мне очень стыдно писать Вам обидное для Вас письмо о том, что я, бывший Ваш верный боевой помощник в тылу врага, всегда ранее честный и

преданный Родине, совершил в ноябре 1963 года тягчайшее государственное преступление и скоро предстану перед судом. Я очень хочу надеяться, что благодаря своим искренним показаниям и чистосердечному раскаянию на следствии, а также с учетом достойного поведения на суде, при Вашей помощи путем ходатайства мне не только будет сохранена жизнь в интересах страны, но и будет дана возможность скорее вернуться к честному свободному труду на благо нашего общества.

Моей сокровенной мечтой является жить и поступать только так, как жили и поступали Вы, Кирилл Прокофьевич. Вы с первого нашего знакомства в мото-стрелковой бригаде особого назначения войск СССР в 1942 году стали моим кумиром. Ваш боевой опыт в бывшей панской Польше, в Китае, а затем в Испании сразу подкупили меня. Помните Ваш дерзкий план нападения нашей группы, отважной десятки, на сильно укрепленную и значительно лучше нас вооруженную, в несколько раз превосходящую нас по численности немецкую охрану на станции Буды? Даже этот план, серьезно страдавший излишней самоуверенностью, рассчитанный исключительно на самоотверженность наших бойцов и помощь со стороны коменданта полиции, который был заодно с нами, мне представлялся и совершенным, и вполне выполнимым, так как он исходил из Ваших уст.

Под Вашим руководством и благодаря Вашему личному бесстрашию горстка "орловцев" повторила чудеса самозабвенной храбрости и отваги во время смертельной схватки с фашистским "акулами" 17 февраля 1943 года, когда из засады в лесу, на дороге, названной нами "Малой Лубянкой", мы напали на гебитскомиссара города Барановичи группенфюрера Фридриха Френца, его помощников и многочисленную охрану, прибывших в наш лес для охоты на диких кабанов, но так и оставшихся лежать мертвыми на снегу рядом с двумя убитыми ими кабанам. Вы не помните, а я-то хорошо помню, как в момент ожесточенной перестрелки я и боец Толя Тупик подбежали к Вам, уже раненому, увидели промокший от крови Ваш маскировочный халат, белый, как снег, наполовину алый, как флаг, лужу крови на снегу рядом с Вами, оторванные взрывом гранаты обе Ваши руки, продолжавшую источать струйками на халат и на снег парную кровь, заметили сверкнувшую в Ваших глазах лютую ненависть к врагу и услышали Ваш боевой клич: "Чего остановились? Бегите, бейте фашистов!" Эта команда удесятирила наш гнев к фашистам и нашу храбрость на поле боя, мы вновь пустили автоматы в ход, отстреливающие немцы были окружены и добиты, все трофеи собраны, а трупы врагов были раздеты догола.

Ваш выход из строя мы старались, в силу наших способностей, возместить своими боевыми действиями. В мое еще юное тогда сознание не мог не врезаться образ Ваших мыслей и поступков, а в мою плоть и кровь не

мог не войти навечно Ваш пример бесстрашия и самоотверженного служения Родине. Именно Ваши традиции в условиях, когда новый мой командир Никольский не поощрял боевые операции, помогали мне игнорировать эту затухающую позицию. Когда мне пришлось возглавлять основную часть отряда в том же Машуковском лесу, мы без ведома Никольского организовали новое нападение на имение Туча и разгромили немцев.

Эти примеры я привел в письме к Вам для того, чтобы напомнить Вам о той неразрывной связи всей моей практической деятельности с Вашим примером, с Вашим образом мыслей и действий, ставшими моими собственными на всю мою жизнь. Я безукоризненно, смело и активно боролся с фашистами в Чехословакии в 1944-1945 годах. Работал в Югославии в 1952-1956 годах. После успешного окончания Военной академии в 1959 году я продолжал добросовестно работать в Центральном аппарате. Но в конце 1960 года допустил серьезную оплошность. Нежелание уходить со службы, заблуждения и пороки привели меня к неверному, пагубному для меня шагу. В конце 1963 года я совершил злодеяние.

Если в период формирования и совершения преступного замысла из моего сознания временно выпал Ваш образ, то в период следствия мое величайшее сожаление о сотворенном зле до предела обострили чувства верности моему идеалу. Я решил поступить так, как поступили Вы, Кирилл Прокофьевич, то есть поехать в мою родную деревню Паршино, что в верховьях великой реки Лены, и создать там образцовый совхоз. Вы, очевидно, и не подозревали, что я с детства сильно люблю нелегкий труд на земле и что очень люблю запах сырой земли, как ребенок любит приятный аромат лица своей матери.

Я буду исключительно благодарен Вам, если Вы поддержите мой благородный патриотический порыв. Это была бы и Ваша заслуга перед нашей страной. Я надеюсь, что Вы не останетесь глухими к моей мольбе, обратитесь к Военной коллегии Верховного Суда СССР с ходатайством о снижении мне меры наказания. Клянусь Вам, что я оправдаю это Ваше доверие и принесу Родине большую пользу. Александр Черепок." (Фамилия из этических соображений мною изменена – **А.К.**)

Орловский отреагировал так:

"Москва, площадь Дзержинского, Комитет государственной безопасности.

Я, Орловский К.П., член партии с 1918 года, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, заявляю, что

никаких причин у Черепка А.Н. не было, чтобы стать на путь предателя нашей Советской Родины, чтобы совершить тягчайшее государственное преступление. Я считаю, что Черепок А.Н. забыл, что он является советским гражданином, членом Коммунистической партии, работником Государственной безопасности, стал на такой путь, путь предателя, сознательно-умышленно, а поэтому если бы я, Орловский К.П., был Председателем Верховного суда СССР и рассматривал преступление Черепка А.Н., то я бы настаивал и постарался бы вынести решение суда и дать Черепку А.Н. высшую меру наказания, то есть расстрел. Прошу это мое письмо зачитать на заседании суда.”

Один рукав у Кирилла Орловского был пустой, заправлен в карман пиджака, из второго — торчал обрубок руки, называемый в народе: культя. В культю Орловскому вставляли ручку, он подписывал документ. Подпись похожа на царапину, бумага часто прорвана. Больше он ничего не писал, письма обычно диктовал секретарю. Подпись Орловского значит не только под смертным приговором, но и под документами жизнеутверждающего характера. Например (фамилии изменены мною – **А.К.**):

”Председателю суда Кировского района.

В ночь с 23 на 24 января 1966 года произошел несчастный случай, а именно: во 2-ом часу ночи возвращался с работы на тракторе ДТ-54 тракторист Терец А.А., рождения 1932 года, и переехал лежащего в пьяном состоянии колхозника Пулько Б.И., который лежал поперек дороги присыпанный снегом. Тракторист Терец переехал через Пулько не умышленно, а только потому, что покойный Пулько был присыпан пургой, и потому, что трактор был без освещения. Тракторист Терец дисциплинированный наш колхозник, выработал в 1965 году 466 трудодней, а жена его доярка выработала 570 трудодней.

Учитывая, что наш трудовой коллектив колхоза ”Рассвет” сплоченный, хорошо воспитанный Коммунистической партией СССР, я считаю, что Терец А.А. был и остается полезным тружеником сельского хозяйства, и прошу Кировский суд передать его на поруки нашему трудовому коллективу. Орловский.”

Обратите внимание: заработок в ”Рассвете” в середине шестидесятых выражали в трудоднях, тут их сохранили. До девяностых сохранял и Старовойтов. ”Рассвет” был единственным в СССР колхозом, где остались трудодни. Это не позорные ”палочки”. На каждый трудодень начислялось, в зависимости от экономических итогов года, от 2 с половиной рублей (при

Орловском) до 5 (при Старовойтове), и еще выдавались продукты, производимые колхозом.

При Орловском доярки в среднем получали в месяц 50 трудодней. Собрание назначило председателю 130, он распсиховался, снизил себе заработок до 100 трудодней. То есть месячная зарплата руководителя превышала зарплату рядового работника в 2 раза. Для сравнения: в девяностых годах председатели колхозов Беларуси, по неофициальным данным, получали в 10-20 раз больше колхозников, директорская зарплата на предприятиях превышала зарплату рабочих в 60-100 раз!

Беда не в огромной разнице в доходах (хороший руководитель дорого стоит), а в том беда, что зарплата "простого" труженика, перетекшая в карман начальника, не позволяет нормально жить. Нельзя не согласиться с Александром Лукашенко: многие начальники, особенно большие, — разбойники. Жаль, президент ни одного не вывел на чистую воду. Громкие процессы завершаются двусмысленно. Чем выше по должности подсудимый, тем больше угроз от обвинителей, тем больше апологетики от защитников. Политическая зацикленность адвокатов, правозащитников, журналистов, не позволяет назвать вещи своими именами. Коллеги! Ну хотя бы вы дистанцируйтесь от больших начальников, суть нашей профессии — самодостаточность.

При Старовойтове количество трудодней год от года увеличивалось у всех колхозников, за исключением председателя. У него оставались неизменные 100. Специалисты по зарплате его почти догнали, животноводы и механизаторы наступали на пятки специалистам, а Старовойтов десятилетиями удерживал себя на отметке 100. "Почему?" — спросил я однажды. "Как же я могу получать больше Кирилы — поймите?!" (В "Рассвете" говорят: Кирила, с одним "л" - **А.К.**)

Жена Орловского, покойная ныне Татьяна Васильевна, в середине восьмидесятых рассказывала мне о муже, которого в 1944-м привели в ее дом как квартиранта:

"У Кирилы был лес на дом. Ему дали, чтобы построился. Он мне говорит: "Васильевна, ты не выгонишь меня, если я свой лес отдам на коровник?" — "Живи, Прокопович, я к тебе привыкла. Кто ж за тобой будет ухаживать в твоём доме?" Остался у меня квартирантом. Я тогда торговала на базаре в Бобруйске, продавала колхозный лук. Приехал на базар Кирила. Ему какой-то генерал из Москвы подарил машину. Я продаю лук, грязная. Кирила говорит: "Поедем со мной, купим колхозу бензина. Только сними эту грязную телогрейку." Я села. А привез он меня в загс. "Васильевна, давай распишемся. Живем под одной крышей, а чужие. Ты за мной давно

смотришь, как жена”. Мы как записались, так Кирила меня из торга выгнал. Я — жена председателя, мне нельзя с народными деньгами. Эти деньги должны быть чистые, чтобы не прилипли.”

В скромном домике Татьяны Васильевны Орловский прожил примаком 24 года, до кончины. Старовойтов, приехав в “Рассвет” известным человеком, Героем Соцтруда, долгое время мыкался с семьей (трое детей) по тесным углам. В хорошее жилье вселился только тогда, когда роскошных двухэтажных коттеджей построил в Мышковичах целую улицу, и не первую.

В новом доме Василий Константинович жил ... одиноким холостяком, занимая две смежные комнатки на первом этаже. Дверь, которая вела из его спартанской обители в главную часть дома, была заперта с его стороны. Иногда с той стороны к двери подходила внучка, стучала кулачком — и тогда дед открывал. Больше никто к нему не стучался, а он не стучался туда, где жили жена, две дочки с семьями.

Старовойтова не миновало то, что посещает многих, — разлад с женой Инной Дмитриевной. Не имею права на формулировки причин, хотя на эту тему Василий Константинович мне поведал много сокровенного мужского. Причины часто не может четко сформулировать даже пара, вдруг ставшая непримиримой.

Для достижения мира люди придумали развод. Старовойтов не мог воспользоваться человеческим вариантом, потому что, напомним, он был не человек, а камикадзе. Выдающийся камикадзе, с двумя золотыми звездами на груди, с неотступными мыслями о том, как лучше выполнить задание партии на сельскохозяйственном фронте, как не уронить авторитет коммуниста, как недопустить персонального дела о разводе, как сохранить семью, которая давно распалась.

Камикадзе в человечество не возвращаются. Они — ИНСТРУМЕНТЫ ИДЕОЛОГИИ. ТЬМЫ. В середине восьмидесятых, когда во тьме блеснули лучики света, Старовойтов продолжал полет камикадзе. Его запускали на высокую трибуну в Минске, и он громил интеллигентов-националистов. С трибуны Верховного Совета СССР Старовойтов, запущенный туда первым секретарем ЦК КПБ, разбомбил демократов. Обработал, как говорят военные в Чечне, со всех видов штатного оружия.

Развал СССР в 1991 году Старовойтов принял, как положено камикадзе, — с непониманием. Нарушилась программа полета. Исчезла поставленная цель. И поскольку он был выдающийся камикадзе, он нашел внутренние резервы, самостоятельно определил новую цель — возвращение от идеи к человеку. Решив освободить колхозников от колхоза, он освобождал и себя.

Революция начала девяностых, произошедшая с личностью Старовойтова, важнее революционного превращения колхоза "Рассвет" в акционерное общество. Выдающийся камикадзе показал рядовым камикадзе, что можно вырваться из тьмы.

Работа над Уставом акционерного общества заняла три года. Старовойтов привлек лучших юристов и экономистов страны. Чтобы выкупить свою долю акций (она у него как у руководителя по праву немалая), продал личные вещи, бытовую технику. Параллельно разводился, чтобы жениться на Валентине Николаевне Островской, которую знал много лет. Взял в банке "Рассвет" кредит на жилье. Чтобы обошлось дешевле, решил довести до ладу неказистый дом, стоявший недостроенным на одной из улиц.

Василий Константинович показывал мне, как он с молодой женой обустроился. Старый влюбленный планирующий больной человек наконец свил гнездышко, посадил вокруг яблони, жил в долг, говорил о счастливой богатой жизни и личной, и односельчан-акционеров, мечтал о будущем, полагая, что он уже не камикадзе, а свободный аист, парящий в небе над Мышковичами...

ТЬМА не улетучилась из Беларуси. Белый аист наткнулся на нее и, раненый, упал в загодя подставленную железную клетку.

Трагическая судьба Старовойтова, познавшего новое время, вытекает из счастливой судьбы Орловского, умершего в своем времени. Их можно понять только в связке. В их общей судьбе отражается уходящий двадцатый век.

2000